

ДЕБЮТ

Лилия КАРПУХИНА

«Не думаю,
что жизнь случайна...»

Вне времени...

*Вне времени и вне пространства
Познать себя, найти свою стихию.
Оставить в сторону упрямство,
Быть не такой, как все другие.*

*Читать по звездам научилась,
Мне позывные шлет огонь.
Седьмое чудо мне открылось —
Весь мир кладу я на ладонь.*

*Какая чаша перевесит?
Тоски, обиды, боли, зла?
У ангела спрошу, и он ответит,
Что каждому отмерена своя.*

*Стою на поле страшной битвы,
Но победит какая сторона?
Произношу слова молитвы,
И я одна побеждена.*

*Что суждено нам? Это тайна?
На небесах своя размерность.
Не думаю, что жизнь случайна,
Взгляни, она — закономерность.*

Все...

*Все пройдено, и для меня
Открылась новая реальность
Вот только б тело поменять,
Поверив в духа уникальность.*

*Я знала, скоро утону,
Сил мало и снова всплываю.
Так не хочу идти ко дну!
Обыденности море покидаю.*

*Давно не ощущаю страха,
Испила чашу горечи до дна,
Посередине ужасающего мрака
Я как бы и со всеми, и одна.*

*Хватаю воздух, будто задыхаясь,
Устала и хотела было сдаться,
Но взглядо вперед и улыбаясь,
Смогла опять в живых остаться.*

Где...

*Где правда, а где ложь,
Ты не поймешь.
Слова мои не трожь —
Не разберешь.*

*Сказать прости
Не попрости.
Мозу лишь отпустить.
Ты не грусти.*

*Боялась сделать шаг,
Дышала не спеша,
Все на ходу швырем круша,
Рвалась душа.*

*Я не берусь пророчить,
Ну, а впрочем,
Тихонько раны кровоточат,
И жизнь стала короче.*

Монологом

*Монологом твоим утомленная,
Глаза закрою и уйду.
Тоской печальной усмиренная,
Похороню свою мечту.*

*Не нужно пышных фраз, поверь мне,
Но что-то важное сказать.
О Боже, дай-ка мне терпенья
Под тяжелой ношей устоять.*

Реквием

*Утонут корабли, и поезда сойдутся,
И повернется время вспять.
Потухнут звезды, а потом зажгутся,
Я буду тихо умирать.*

*Что жизнь — пустяк, понятно сразу.
Мост в пропасти, одна ступень,
Короткий миг, обрывок фразы,
Всплеск волн и облачная тень.*

*В глазах рябит, но вижу тусклый свет.
Закончила, я это понимаю.
Пропало все, и никакой надежды нет,
Пришел и мой черед — я умираю...*

Сердца

*Сердца еле стук, тихий шепот губ,
Огонь, что вода — мне не важно.
Еще дожигенье — и я с жизнью рву,
Что есть листок исчерканный бумажный.*

*В небо птицей, в песок превратиться.
Везде себя искать, как я устала!
Хочу исчезнуть, испариться, скрыться.
Меня уже чуть-чуть осталось.*

*Взглянуть под ноги, видеть море,
А в море небо лишь купалось.
Уход мой в радость, а кому-то в горе.
Вдох облегченья — и меня не стало...*

Я так боялась

*Я так боялась утонуть
В глазах твоих. И доираслась!
Мне б птицу счастья не спугнуть,
В ответ мне лето рассмеялось:
— Забудь его, так и пройдет любовь —
Уже пламя страсти угасает,
И в жилища больше не играет кровь.
Злодейка-осень все вздыхает:
— Ну, наконец-то, как я рада!
Любви твоей вам не хватило.
— Заснешь глубоким сном в награду, —
Мертвецки белая зима твердила.
— Тут о покое нет и речи!
Влюбленная весна кричала...
Глубокий вдох, расправь-ка плечи,
Взгляни вокруг и все — сначала.*

ДЕД ДМИТРИЙ

Укоров совести он не испытывал ни за дела свои, ни за слова

Как святыня

Когда в Великую Отечественную меня однажды ранило и я выжил, и воевал дальше, и в конце концов выбрался из этой бойни живым, то поклялся потом: после того пекла, которое видел, все вспомнить и записать, как было.

Но это мое сочинение вовсе не о войне. Вернее, о другой войне — о войне добра и зла, конца которой, наверное, никогда не будет. Это как земля с небом, как черное с белым. В общем, вечная история...

Проживал в деревне Васильевка Дмитрий Ефимович по фамилии Максин. Это мой дед по материнской линии. Всегда, когда вспоминаю о нем, благодарю судьбу, что подарила мне возможность общения с таким человеком. Человеком огромного жизненного опыта и бесконечной душевной щедрости. Редко такие на веку встречаются. Небогат был, необразован. Обыкновенный сельский мужик, а своим умом, сметливостью, внутренним стержнем в своих убеждениях выделялся. Идеально чистый, справедливый человек. Во всяком случае, во времена революционных перемен начала XX столетия опасно было отстаивать свои взгляды, а он умел и не боялся. За что порот и бит был не раз, но жив остался и уважаем за это еще во сто крат. Добрый был, жил по правде и умел говорить правду в глаза. Главное — в нем не было внутренней лжи: ни за слова свои, ни за дела никогда не мог он чувствовать укоров совести. Потому что во всем, что бы он ни делал, он руководствовался высшей правдой — правдой веры в бога. Хотя религия его особого статуса в жизни не занимала. В ней не было ни ханжества, ни фанатизма. Дмитрий Ефимович не отказывался от земных радостей или утех. Он любил хороший стол, песни, каштунки даже во время поста. От души принимал он энергию и богатство красок жизни, если таковые в ней находил.

Детство его проходило в трудных условиях. Но детство — есть детство. И когда вспоминал он о нем, рассказывая что-либо внукам, все равно улыбался и умиленно закатывал глаза, потому что воспоминания эти все равно являлись для него в какой-то мере источником наслаждения: освежали, возвышали душу. Хотя, если вдуматься, улыбаться особо было нечему. Был Дмитрий из очень бедной семьи. Часто нечего было кушать. И дел неоднократно, в поучение нам, внукам, рассказывал, как однажды его мама вернулась из соседней деревни, куда ходила просить милостыню, вся в слезах. Ходила по домам, почти ничего не выпросила, да еще, хуже того, в одном доме была затравлена собаками. Как пришла домой, села к столу, высипала горькие крохи на него и после горько-горько заголосила:

— Не дай бог вам, детки, быть побиршущими. Не дай бог есть обмытые слезами и печально кусочки!

С тех пор мой дед смотрел на хлеб как на святыню и с благоговением относился к людям, делающим его. Такое отношение было не результатом какого-то мулдрствования, а сложилось как-то само собой, стало внутренней натурой неграмотного, далекого от каких-то философских изысканий человека, но вполне понимающего, что к чему.

Время шло. Подросли Дмитрий и его братья. Дмитрий пошел в хлебопашни, работал с любовью и спорю. Обладая большой физической силой, он и пахал, и косил, и молотил целом играючи. Рядом с ним, уже стариком, 16-летние внуки жалко выгидали, когда приходилось вместе косить или молотить. Дед Дмитрий одним ударом цепа мог развалить сноп. Он без видимого напряжения гнал крюком двухметровый ряд ржи. Старший брат его пошел по писарской стащи, хотя начинал тоже как хлебопашец. Но совсем не был годен к такой работе: сложен был тщедушный и, главное, спорник никак не мог замирать. Будучи уже женатым, имея детей, он во время косьбы, вывихнувшись окончательно из сил, упал на своем загоне и разрыдался, как ребенок:

— Что же мне делать! Как же жить и быть дальше?

Сыграть «под мешок»

Но подвернулся случай. Взяли его в волостное управление писарем. И пошел, и пошел в люди Минай Ефимович.

Младший брат дед, Михаил Ефимович, вернулся из армии со специальною портного.

И постепенно стали жить Максины как люди: купили плохонькую лошадку, корову... Лошадка была настолько неприязнительна здоровьем, что имела привычку останавливаться перед каждым двором и отдыхать. Потом братья разделились. Построили поочередно на окраине села три дома рядом и жили, помогая друг другу. Они не были богаты, но и не бедствовали.

Старший получал уже приличное жалование, средний хлебоприобачил и прозябал в деревне «Сам Четверт», потому что имел малочисленную семью из четырех человек. И младший неплохо жил — подрабатывал шитьем мужских шаровар, зипунов, холщовых рубаш.

Интересно вспомнить, как коротали домашние долгие зимние вечера. Сначала рассаживались по лавкам и калыкали о делах житейских, о хозяйственных заботах или грехах человеческих. Потом старший сын брал балалайку и начинал что-нибудь наигрывать. А бабуля, расчувствовавшись, просила иногда: «Сынок, сыграй-ка нам «под мешок»».

У выражения «под мешок» интересная история. Родилось оно таким образом. Когда игрались жалобные мелодии — а таких во все времена было достаточно, у бабули размякало сердце, пробуждались добрые чувства, и она часто просила: «Митрий, надо Анютке Миловановой дать что-нибудь. Как же быть им бедным...»

И дед на другой день или ближе к

КОЛАЖ ИРИНЫ КУРЯВОВОЙ

тому vez к дому бедняков мешок муки. Поставит в такое место, чтобы не видно было никому, а только хозяева наткнулись нечаянно. Совершали все по Евангелию: хорошее делай для людей тайно, и Господь воздаст тебе явно. У Максинах было много причин чувствовать горе людей с неудавшейся судьбой: сами выросли в нищете. Ведь у их бабушки муж был горький пьяница. И она в свое время с ним намучилась. И детям досталось...

Хорошо, что все это было позади. Но долго такой спокойной жизни Максинах, да и не только их, продолжаться было не суждено. Наступила революция. Известно, что сама революция подразумевает обновление, кардинальное изменение всех старых порядков и условий, нужных и ненужных. Прежде всего обновилась власть.

Власть и нож

Командирами и руководителями сразу стали такие личности, как Моисей Платонович Гордеев, Денисов Ефим Афанасьевич, известный в деревне под кличкой Резан, Павел Васильевич Фомин — чаще Павлик, какой-то Куек и другие менее значительные. Резана еще у нас в деревне звали Резан, но никакого отношения он к Резану, конечно, не имел. Кличку дали ему от глагола «резать», потому что тот однажды влез в монашескую келью и тупой стороной ножа «пилл» горло одной из монашек, что осталась там в сторожах. Добивался, чтобы она сказала, где спрятаны деньги.

В общем, власть у революции была не ахти какая. И хулиганская, и безбожная. Во всяком случае, люди боялись Ефиму и вполне справедливо считали, что тот при случае может и зарезать с таким же искусством и хладнокровием, как это проделывал он с монахиней. Что касается Павлика Фомина, так это была еще более темная личность. Известно о нем только то, что он не хотел работать, все искал легкую жизнь. Поэтому, видимо, попал в лесники.

И вот такие «товарищи» руководили селом. Их стали звать по имени-отчеству. Но для селян эти люди все равно оставались Резанами да Конокрадами. Новые руководители чувствовали такое отношение и старались запугать, заставить трепетать перед собой. И когда революция дала Ефиму Резану в руки оружие и возможность по своему усмотрению пускать его в ход — тот начал стрелять. Особенно ужаснула всех своим садизмом расправа его над Василием Андреевичем из села Мамоново.

Арестовывая его, Резан цинично уверял, что это ненадолго и он вернется через два часа, не более того. Затем остановил напротив кладбища повозку. Привел арестованного к самым могилам, раздел его и ископол всего штаником. А потом на ранах жег порох. Кричал Василий Андреевич диким голосом, так что в ближних домах было слышно, а возница дядя Санька, что возле погоста остался, потом рассказывал, что чуть с ума не сошел от этих криков.

Или карательные операции... Один раз расстреляли десять человек. Хватили кого попало.

— Ну как так можно! — возмущался дед Дмитрий. — Как так можно устанавливать новую власть!

Ведь социальный рай без бога, да

еще и такими методами, невозможен. Для создания добра и правды на земле опорой должна быть религия, глубокая вера в Христа, жившего миру пример безграничной любви к людям, смирения, самоограничения, добра и милосердия. Ничего этого у новой коммунистической власти не было и в помине. А чем дальше, тем больше и не могло быть, и не наблюдалось у новых политиков таковых качеств.

Дмитрий Ефимович был убежденным оппозиционером новым порядкам. Он не мог стать на сторону безбожников: человек глубокой веры, он не мог сочувствовать новой безнравости и бездушной «религии». Вера пришла к нему от матери, Василисы Евгистьевны. Разрослась и укрепилась его собственными убеждениями.

Квартировла однажды в их доме землемер. И обратил внимание на хозяйина, что не хватает тому, человеку неглупому от природы, образования. А Дмитрий Ефимович, надо сказать, закончил всего-то половину первого класса. Постоялец посоветовал деду читать. У крестьян зимой довольно свободного времени. И тут дело пошло.

Чем больше читал Дмитрий, тем больше совершенствовалась техника чтения. В дальнейшем Дмитрий Ефимович, благодаря усилению чтению, и изъясняться стал вполне грамотно. Он мог говорить на равных с учителями, инженерами, выпускниками высших учебных заведений и людьми, занимающими определенные должности или посты, часто, к сожалению, как раз не обладающими правильной манерой говорить. Он знал то, чего никогда не узнал бы, допустим, какой-нибудь ответственный работник: стихи Хомякова о религии, «Моление о чаше» И. Никитина, стихи С. Нальсона, Константина Романова... Часто мог цитировать наизусть. Максин Дмитрий читал собрания сочинений Лескова, Л. Толстого, А. Толстого. Он часто удивлял собеседника, когда в разговоре упоминал, допустим, о таком редком издании Льва Толстого, как «Моя вера».

И в «зачанье» таких примеров у него было полно. Он не стеснялся, не боялся и всегда опирался свои убеждения.

А потом у Дмитрия Ефимовича состоялась встреча с политтроей. Если прямым текстом — это порка. Так называемая политтроейка именно этим и занималась.

Порка в Отрубках

В деревне Васильевка полным ходом проводили репрессии. Пороли по очереди, с одного края села до другой. Пронзительный крик наказываемых был слышен чуть ли не на все село. И крик этот был все сильнее и сильнее, все ближе к дому Максинах. Пороли на сельских уличках Чибидовые, Миловитиче, приближались к Отрубкам. Пороли сильно, больно. Метрах в трехстах от Максинах не своим голосом кричал дедушка Петр Гаврилович Гордеев — так было больно ему. Все домашние замочали, не смотрели друг на друга. Физически ощущалась атмосфера беды. Хотя никто наказывал дела не обещал, да и причин особых не было, однако... Однако и огорчить могли, и сами экзекуторы что-нибудь придумать... А навет в те времена — дело обычное. Тут что-то скажешь и хоть

в чем сознаешься, когда так лупят... Максинах, женщины и дети, вышли на улицу и ждут... глядят туда, откуда их палачи должны появиться: видят, идут три красноармейца. Заворачивают в сторону двора. Бабушка как это увидела, так и охнула, будто оборвалась у нее все внутри. Прошли долгие минуты томительного ожидания. Дядя Петр давно смолк... И вот в тишине слышен говор. Приближаются! Проходят перед окнами тени... и, наконец, заворачивают в дом. Хлопают плетками по голенищам.

— Где хозяйин?
— Пошел в ригу, за кормом.
— А-а-а... Это он идет, с кошелкой? Ого! Этот похож на старосту...

— Какой староста, господь с вами...
— Это мы знаем, а вы убирайтесь из хаты, да быстрее.

Потом Дмитрий Ефимович рассказывал: едва он вошел в дом, как его ударили плеткой по спине. Дед был одет в полушубок, но, как он говорил, было очень больно.

— Этот похож на старосту. Ишь ты, пузо наел! — друг за другом повторяли члены тройки. — Так его не прошибешь. Раздевайся!

Дмитрий Ефимович скинул полушубок, развернулся к иконам и стал молиться. Молился дед усиленно. Перед ним были иконы «Нерукотворный образ» и «Иис Христос Спаситель».

Он твердо и вразумительно прочитал молитвы, потом встал и повернулся к экзекуторам: «Господь терпел и нам велел. Я готов...»

Сказал и остановился, ожидая первого удара. Но удара не последовало. Один из тройки, тот, который уже успел один раз приложиться своим кнутом по деду, сказал небрежно, даже в сердцах:

— Да что ж вы так молитесь-то? Тебе что от этого, не так больно, что ли, будет или плетка у меня из рук выпадет?..

— Нет, не выпадет.
— Так зачем ты молишься?
— А затем, что Господь может смягчить удары.

— Ну, это что-то ты сочинишь, мужик... Это как так — смягчить удары?..

— Так это же просто: ведь вы бьете по обязанности, личного зла не имеете. Злоба у вас, по-моему, появляется по ходу наказания... А может вообще и не быть этой злобы...

Все члены тройки стояли с раскрытыми ртами. А ведь в точку попал мужик! Сами сколько раз замечали, что наказывают своих жертв неодинаково. Что с иного готов три шкуры слупить, а другого жалко... Как-то остыла тройка, обмякла. Старший махнул рукой и положил плетть на стол. Послал крикнуть в дом семью, а делу сказал: «Ладно, пороть не будем. Ты только, хозяйн, зарежь нам барана...»

Или устали уже наказывать беспричинно, или просто есть захотели...

Ой, Господи, жизнь моя была в ваших руках — какой разговор о баране. Только я должен соседям десять фунтов мяса. Уж вы позвольте отдать долг из вашей доли.

Согласились. Дед зарезал барана, рассчитался с соседями.

...И потом еще неоднократно заходили к Максинах те «гости». Только не бить. На посиделки, без всяких вымогательств. Поговорить. Иногда даже казались, что это старые друзья. Рассказали, какие поклены возводили

на него здешние коммунисты. Часто спорили о крестьянской жизни, о боге, о нравственных вопросах, о правде, о совести, да мало ли... И никогда в таких дебатах посетители не срывались на ругань или крик, оставили всю свою строгость за порогом. Видать, и им в своей шкуре иной раз было тоже не очень уютно, и душа требовала высказаться и, наверное, в чем-то таким образом оправдаться... Однажды, в одном из таких разговоров старший той тройки сказал, как итог подвел: «Пока мы будем здесь, никто пальцем вас не тронет. А без нас уж не обессудь — плохо вам, скорее всего, будет. Многие здешние коммунисты не любят тебя, Дмитрий, и братьев твоих. Уж больно ты выделяешься, мужик. Люди за таким могут пойти. А такие властям обычно не угодны».

И действительно, вскоре после отъезда красноармейцев Дмитрия вновь арестовали и посадили в тюрьму близ города Борисоглебска. И здесь он опять предстал, в который уже раз, перед судом трибунала.

Начальник, едва дед вошел в его кабинет, так вот и начал с порога орать всякую похабщину и нецензурную брань. Получилась целая гирлянда бранных предложений. Возмущало следователя, что Максин до сих пор не расстрелян. Мол, он грабитель и убийца, виновник гибели честных и чистых душой людей, как ни в чем не бывало живет и в ус не дуэт!

Десятик твоих жертв с проклятиями прочат твою смерть, — затопал ногами начальник. — Но у меня ты не вывернешься, гадука!

Дмитрий Ефимович опешил, растерялся... «Господи, да что же это за напасть такая! За что?..» — подумал он, и потом уже сказал должностному лицу: «Такую брань и матерщину мне приходилось слушать от наших безграмотных мужиков, но никак не мог я ожидать такого от образованного человека. А может, я и ни в чем не виноват вовсе. А вы меня уже «одели» по-всякому».

Словно ушат холодной воды выплеснул на следователя — пошло как-то все не по сценарию...

— Садитесь, пожалуйста.

Дед сел.

— Ваши имя, фамилия, отчество...

И так начался допрос: один спрашивает, другой отвечает, третий записывает. Длится это довольно долго. Дмитрию надо было доказать перед обвинителем, что он не делал налетов на коммунистов, не грабил их вместе с сыном и другими родственниками, не помогал банде Антонова в организации различных диверсий, в частности, в подрыве железной дороги... Все обвинения были чистейшие ложь и наговор.

— Во-первых, — сказал он, — я благодарю бога за то, что меня миновала военная служба, потому что я хотел быть верен заповеди «Не убий». Сын мой сейчас служит в Красной Армии и никакого отношения ни к каким бандам не имеет. Был там ранен. Приезжал домой на излечение. Поправлял здоровье и дружки с бандой Антонова не водил. Не до того было... А сейчас опять служит. Вот и вся его вина.

Дмитрий Ефимович даже справку попросил из армии. На счастье, она у него сохранилась. В свое время нужна была зачем-то волостному... И когда справка оказалась у писаря, следователь смягчился окончательно. Так одно за другим опровергались самые бессовестные обвинения.

— Да спросите вы любого жителя Васильевки, убийца ли Максин, грабитель ли... Он только на это удивится. Да какой из меня вор? Да, социалисты однажды предлагали мне войти в свою организацию, но я отказался. И его позиции я был согласен: что богаты слишком притесняли бедных, что власти тоже далеки от справедливости, земледельцу вечно ущемлен в правах, в постоянной нужде и безнадёжности, и бороться с этим как-то надо. Но без бога справедливости не добиться. В этом я всегда был уверен. Да и пути борьбы за «светлое будущее» меня не устраивали ни по каким канонам. Поджоги, грабежи, утоны и даже убийства — это не по мне.

Жизнь рассудила

Через пять лет произошло встреча Дмитрия со своим двоюродным братом, ярым коммунистом Яковом Семеновичем Максинах.

Подосел дед. Яков Семенович очень изменился: бледный стал какой-то, изможденный.

— Прости ты меня, — сказал он. — Изменения у меня произошли большие. По-другому все как-то стало... Нехорошо, в общем.

И рассказал о себе. Был женат. Жена его из дворян. В то время политики везде было много, и она поддалась этой заразе. Была членом партии эсеров. Призналась в этом мужу. Он же, выпытав от нее время очередного сбора, взял с собою своих опричников и разгромил всю организацию: перестрелял, одним словом. Супругу же не тронул. Но это ее не спасло — она сама позже повесилась. Оставила записку о том, что не может жить, когда ее друзья погибли. С той поры нет ему покоя. Приходит супруга к нему стала. После смерти! Упрекает, обвиняет... и себя корит в предательстве. А после и другое видется стало: бесчисленные жертвы его расстрелов просят пощады, ползая перед ним на коленях. Окровавленные, страшные... И рад бежать, а некуда... Дмитрию Ефимовичу ничего больше не оставалось, как посочувствовать.

— Все мы грешные. Молись, брат. Но позже произошло следующее — тот, видимо, молился не стал. Другой выбрал путь. Через какое-то время узнал незнамо куда, от видений своих скрыться хотел, и вскоре пришлось сообщить, что нет того уже в живых — покончил Яков Семенович с собой. Так вот жизнь рассудила.

И Денисов Ефим, тот же Резан, своей смертью не помер. Довел своими извращениями, жадностью и подлостью васильевских мужиков до того, что те, все заповеди забыв, решили избавиться от этого злодея. И исполни однажды того насмерть самогоном. Угорел от спиртного начисто.

СЕРГЕЙ КУДИНОВ.